

ПРОЛОГ

Мне стало так страшно, что я замерла и вдруг подумала — не смогу. Не смогу ничего больше — ни шагнуть вперед, ни прикрыть глаза, ни сказать хоть что-нибудь, ни заплакать. Останусь здесь, без движения, без дыхания, без жизни. Сначала прохожие еще будут меня замечать и осторожно обходить, но со временем фигура начнет терять цвет, очертания — расплываться, как становятся бесформенными любые силуэты в наступающей темноте. Только виновата в моем исчезновении будет не темнота, а застывшее время и пространство, которое в этом времени не может существовать.

— Узнала? — спросил Вик.

Кажется, он не заметил, что со мной творится. Просто подумал, наверное, что я увидела лицо близкого человека и хочу помолчать.

Да, на афише было лицо самого близкого мне человека. Единственного. Любимого. Его нарисовал удивительный художник, почти не исказив

черты, но мне казалось, что Рихтер горит. Горит изнутри и освещает все, до чего может дотянуться. Не рукой дотянуться — взглядом и светом. Там были всего три краски, вернее, две. Черная и алая. Третьей была белая, но ею просто притворялась белизна бумаги.

Растрепанные черные волосы — то ли волны, то ли густые осенние тени. Черные глаза — распахнуты так, что я никогда не смела отвести взгляд первой. И алые отблески, скупые, краткие, но попадающие в самое больное.

Это был Рихтер. Мой. Тот, без которого я не могла жить, но как-то жила уже бесчисленное количество дней. И чужой. Потому что под пальцами у него разбегались клавиши.

Мой Рихтер не мог выступить. У него были сломаны пальцы. Давно и безнадежно.

А здесь висела афиша. С афиши смотрел Рихтер. И то ли это было какой-то новой правдой, к которой мне еще придется привыкать, то ли непонятно кем и зачем устроенной мистификацией. Мистификацией в чужом мире, попасть в который нам чуть не стоило жизни. Жизни одной на двоих.

1 ЧАСТЬ

РИХТЕР И АНГЕЛИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одна очередь

Мне было так холодно, что я не могла согреться ни чаем, ни пледом, ни прижав руки к батарее. Вспоминалось раннее детство, когда мама задерживалась на работе, а я леденела от ужаса, представляя, как ее автобус перевернулся или что ее сбила машина на нашем перекрестке. У нас был опасный перекресток — ни зебры, ни светофора.

Однажды я успела умереть от страха, поплакать, прятаясь от отца, и мысленно попрощаться с мамой, когда она задержалась на пятнадцать минут. Зашла в булочную. Зашла после работы в булочную, а меня не предупредила!

Но тогда все страхи рассеивались, стоило только засунуть ключ в замочной скважине. Страх исчезал, слезы высыхали, я бежала к маме и кричала:

— Ты пришла! Наконец-то ты пришла! Как я соскучилась!

Папа смотрел на меня изумленно. Он во время моих страданий смотрел телевизор и даже не подозревал, до чего мне худо. А я ему не рассказывала. Мне было стыдно.

Но теперь все сложилось не так. В тот день нашу историю собирали как никому неизвестный пасьянс, про который даже не знали, может ли он сойтись в принципе. Как будто прежние карты устарели и тот, кто распоряжался нашими судьбами, выбросил их в мусорное ведро. А новые украл в типографии, пока их толком не успели ни допечатать, ни обрезать до нужного размера.

Когда родители не вернулись с работы как обычно, я до десяти вечера металась по квартире и все льнула к окнам. Я надеялась, что вот сейчас они появятся из-за угла и подойдут к дому. Или с другой стороны, с трамвайной остановки. Мало ли? Вдруг автобусы не ходят? Или, на худой конец, остановится такси и оттуда выйдет кто-нибудь один — мама или папа. А когда поднимется в квартиру, скажет, что второго увезли в больницу. Но это ничего страшного, там он поправится. Я в это верила. До двадцати двух ноль-ноль.

А в двадцать два ноль-ноль мне позвонил наш участковый. Я его почти не знала, но все-таки два раза видела на занятиях по безопасности, которые

он вел в школе по приглашению директора. Или, может, завуча старших классов. Точно я не знала.

Он позвонил и первым делом спросил, сколько мне лет.

— Восемнадцать, — честно ответила я.

В тот момент я никак еще не связала в голове, что мамы и папы до сих пор нет и его звонок со странными вопросами. А он продолжал. Могли я сейчас одеться и проехать с ним в одно место. Я ответила, что одеться могу, но ехать — никак нет, потому что родители должны вот-вот вернуться, а пока мне даже отпроситься не у кого. В этом месте разговора участковый то ли закашлялся, то ли подавился, но сказал, уже не спрашивая, чтоб я срочно одевалась и через десять минут открыла ему дверь. Он будет в форме — это раз, и когда я спрошу: «Кто?», он ответит, что Игорь Сергеевич.

Я оделась медленно, потому что все равно каждую минуту подходила к окну. Но там никого не было, кроме соседа с лохматой белой собачкой. Видно, вышли в последний раз, перед сном.

Игорь Сергеевич появился не через десять минут, а через полчаса, и выглядел так, будто месяц пролежал в больнице.

— У тебя успокоительное есть? — спросил он.

Я подумала, с каких это пор участковые просят валерьянку, но только уточнила:

— Корвалол подойдет? Сколько капель?

— Бери весь пузырек, — велел он.

А когда я посмотрела на него удивленно, быстро объяснил:

— С собой бери. Там надо будет.

— Там — это где? — наконец спросила я.

— В больнице. Вернее... Ну ладно. Понимаешь, девочка... — он замолчал и махнул рукой. — Ты присядь, вот что.

— То одевайся, то корвалол, то присядь! — не выдержала я.

Нервы и так были на взводе из-за родителей, которые сроду не задерживались до одиннадцати вечера. Тем более, оба и без предупреждения.

— Да я сам не знаю, что сказать, — вдруг признался Игорь Сергеевич. — Думаешь, у меня такое каждый день? Я ж не из убойного отдела.

На этих словах я замерла и почувствовала, как от кончиков пальцев выше и выше поднимается сковывающий холод. А еще я поняла, что если до этой минуты надеялась, что все обойдется и родители вот сейчас позвонят в дверь или откроют ее своими ключами, то теперь надеяться особо не на что. То есть, совсем не на что.

— Говорите, — прошептала я и с шепота тут же сорвалась на крик. — Пожалуйста, говорите!

— Понимаешь... Нет, ты все-таки присядь.

— Да сижу я! — крикнула я и опустилась на пол.

— Они же у тебя в НИИВП работали?

— Да, — кивнула я.

И тогда меня как иглой в сердце кольнуло это прошедшее время.

— Там стрельба была, — коротко рассказал Игорь Сергеевич. — Разборки бандитские. А твои как раз вышли с проходной. Ну и положили их. Одной очередью.

Он замолчал, а я пыталась не свихнуться вот прямо в эти секунды, здесь и сейчас. Я цеплялась взглядом за пыль на краю коврика, за царапину на холодильнике, которую помнила лет с десяти, за грязный след от ботинка на линолеуме. Почему-то мне казалось, что если я перестану смотреть на простое и знакомое, то больше меня с этой землей ничего роднить не будет, и удерживать на ней станет нечему. И я сорвусь и улечу в безумие и безвременье.

Но потом я все-таки посмотрела на участкового и спросила:

— А ехать в морг, опознавать?

Он кивнул.

Я так и не поняла, почему это нужно было делать ночью. Но спрашивать не стала. Страшнее всего, мне казалось, остаться теперь одной в квартире. Лучше я поеду с участковым.

Правда, на половине дороги до меня дошло, к у д а именно мы едем и что я там увижу. Мне стало так страшно, что зубы застучали, а пальцы свело судорогой. Но участковый не заметил. Или он привык возить таких у себя в машине.

Но оказалось, что в морге не привыкли. Мужик за столом посмотрел на меня и сразу дал отмашку:

— Она — девчонка совсем. Ты с дуба рухнул? Сюда притащил, да еще ночью. Вези обратно.

— Так у них других родственников нет, — начал бубнить Игорь Сергеевич.

Похоже, до него тоже дошло, что тащить меня в морг ночью — дело не совсем правильное.

— Родственников нет, сослуживцев завтра веди! — заорал из-за стола сотрудник морга. — А девчонку, чтоб домой отвез. Сейчас же.

Я представила, как опять поеду в машине участкового, и как он будет молчать и пялиться на меня в зеркало: на месте у меня крыша или уже не совсем, и сказала почти нормальным голосом:

— Не нужно меня куда везти. Я вызову такси.

Мужики переглянулись удивленно.

— Такси ночью приезжает быстро, — на всякий случай объяснила я, чтоб не вздумали отговаривать.

— Ну вызывай, — разрешил тот, который был за столом.

Я открыла приложение и ткнула пальцем в сразу предложенный программой домашний адрес.

Такси нашлось быстро. Ночь, рабочий день. Предложений много, спрос невелик. Я вызвала самое дешевое и поднялась со скамьи.

— Можно на улице подождать? Тут у вас душно.

У них не было душно на самом деле. Просто я не могла сидеть в этом несчастном здании и знать. Знать, что совсем рядом, за одной из стен, лежат мои мама и папа. Лежат и никогда больше не встанут и не придут домой.

— Можно и на улице, — сказал участковый. — Номер таксиста мне скинь. И ему скажи, что скинула.

— Это чтоб меня было легче искать, если пропаду?

— Это чтоб ему разная дурь в голову не приходила.

Я кивнула и выползла на крыльцо. Пахло табачным дымом и сыростью. Я подавилась запахами, не смогла вздохнуть и в ту же секунду ослепла от слез. А больше ничего не случилось. Я не умерла, не упала в обморок, не закричала. Протолкнула пакостный воздух в себя поглубже, вытерла глаза рукавом и уставилась на экран смартфона.